

Кэндзабуро Оэ

Подкидыши на этой планете

Погребальная церемония началась в три, хотя по обычаю деревни полагалось гораздо раньше. Видимо, из-за нас — мы прилетели не самым ранним рейсом. Шествие двинулось от отцовского дома по дороге вдоль реки, к храму Бодхи. Мы с Иери провожали плакальщиков взглядом; бабушка стояла между нами, опершись левой рукой на трость. Во главе процессии несли портрет дяди, за ним — мемориальную доску, а следом длинной цепью тянулись бамбуковые шесты с корзинами, и высокие венки, и причудливые бумажные флаги. Соседи, кто в трауре, а кто и в обычной одежде, стояли под навесами домов по сторонам дороги, прощаясь с покойным. Пелена осеннего ливня, сверкавшая против склона горы над рекой, ушла за перевал, на южный склон, темнеющий оттенками хвои. Странное зрелище являла собой процессия на фоне этого пейзажа. При виде бумажных цветов, просыпавшихся на тяжелый гроб из корзин на бамбуковых шестах, приходили на ум похоронные обряды туземцев из каких-нибудь глухих уголков Полинезии. И все было проникнуто покоем и светлой печалью. Красные, синие и желтые цветочки тихо просыпались из корзин на шестах, и всякий раз бабушка вытягивала тощую шею и щурилась, словно силясь разглядеть, что же там происходит.

Когда последние участники шествия тронулись в путь, мы с Иери и бабушкой вернулись в дом, там отдохнули немного, а потом поехали в храм, опять на машине Сю-чана. Бабушке тяжело ходить, поэтому Сю-чан направился в объезд и высадил нас на развилке, где от двора и кладбища при храме Бодхи отходит тропа, ведущая в лес. Мы вошли в храм с черного хода и едва — едва успели к началу службы. Монах, проводивший службу, и его помощники уже прошествовали в главное святилище, а дородный детина из городской похоронной фирмы по-военному, точно в старом кино, покрикивал с крыши на входящих, чтоб рассаживались по местам и сидели смирно. Бабушка села между мной и Иери в средней части, отведенной для членов семьи и прочих родственников, потянулась и замахала рукой, подзывая главного монаха. Видимо, она что — то хотела сказать ему. Монах остановился, но не подошел, а послал молодого помощника.

Суть бабушкиной просьбы сводилась к следующему: «Нельзя ли попросить удалиться того человека, который строит из себя распорядителя похорон?» Выслушав помощника, пересказавшего ему бабушкины слова, главный монах кивнул и передал просьбу крикуну. Тот утихомирился, и церемония продолжалась обычным чередом. После службы, выйдя из святилища в сад, я окинул взглядом мокрую

веранду. Городской похоронщик в черном траурном костюме с манишкой и бабочкой сидел в углу на корточках, обхватив колени, и смотрел на усыпанные каплями дождя листья клинтонии.

Старший сын дяди поблагодарил плакальщиков, собравшихся в саду перед святылищем. Бабушка решила, что на этом все кончено. Мы еще дожидались, пока гроб установят на катафалк и повезут вверх по реке в крематорий, а бабушка вернулась в преддверие святылища и завела разговор с главным монахом, с которым они, похоже, были давние друзья. Тетя Фуса, глядя на это, проворчала: «Она пренебрегает своими обязанностями. Не хочет даже поздороваться со старыми знакомыми, а ведь они издалека приехали». Вскоре подошел Сю-чан, смахивающий на человечка из рекламы «Мишлен»^[26] - траурный костюм был ему маловат, — и сообщил, что бабушка вышла с черного хода и ждет нас с Иери там же, где он нас высадил перед службой.

Мы двинулись обратно очаровательной тропкой, между рядами низеньких кустов, блистающих всеми красками осени; бабушка уже сидела в машине, на заднем сиденье, и при виде нас толкнула спинку пассажирского кресла, чтобы Иери пробрался назад и сел с ней рядом. По дороге к храму мы с бабушкой и тетей Фусой сидели сзади втроем, и было тесновато, хотя мы все худощавые да и некрупные. Но на обратном пути бабушка явно решила не допускать на заднее сиденье никого, кроме Иери: как только он уселся, она подтянула спинку кресла на прежнее место.

— Вы, кажется, хотели показать Иери лес, бабушка? — спросила тетя Фуса, посыпая бабушку с Иери и нас с нею втроем, стоявших у машины, очистительной солью, как полагалось после похорон. — Если поедем в гору, троим сзади совсем туго придется. Ма-чан, ты бы сел вперед, а я поведу. А ты, Сю, давай домой на своих двоих, ты же у нас бегун, да помоги там порядок навести.

Мы покатили по лесной тропе и, миновав мост через деревенскую речку, направились к дороге, серпантинном взбиравшейся к вершине горы. Когда за мостом машина свернула, я оглянулся и увидел Сю-чана — вылитый человечек из рекламы «Мишлен»; ровно и очень сосредоточенно он бежал вниз по дорожке с оголенного листопадом утеса.

Дорога кружила и вилась, неуклонно забирая в гору. В семье со смехом рассказывали, что, когда отец впервые привез нас в свою деревню, я спросил О-чана, моего наставника с младых ногтей: «А когда папа был маленьким, здесь еще были мамонты?» Сам я не помню, как об этом спрашивал, но долгая дорога, которой приходилось добираться к отцовскому дому, пока не проложили туннель, на всю жизнь врезалась в память. И все же путь вдоль реки до «окружной» (выражаясь языком местной карты) деревеньки, по-моему, был еще длиннее.

От окрестных красот прямо-таки дух захватывало. За причалом на склонах по

сторонам дороги, ведущей к деревне отца в долину, среди рыжей осенней листвы замелькали ярко-красные пятна. Когда мы взобрались повыше, углубившись на территорию «округа», я сообразил, что это делянки, засаженные хурмой. Именно делянки, не сады. Прежде здесь были поля, расчищенные под пшеницу после войны, в голодные годы. Бабушка, когда-то владевшая оптовым складом, объяснила, что на смену пшенице пришли каштаны, а затем дошло дело и до хурмы.

Еще немного спустя дорога нырнула в оранжево-красные заросли: ослепительно красная охра окружила нас со всех сторон. И чем выше в гору мы поднимались, тем гуще и ярче становилась листва. Стоило выехать на сравнительно ровный участок, как сквозь листву проглядывали высокие, величавые дома на прочной каменной кладке, крытые то соломой, то черепицей, не в пример домишкам из долины, — все респектабельные, все в едином стиле. Наконец тетя Фуса притормозила на отроге, откуда открывался обзор на все четыре стороны. По одну руку гигантской глиняной ступой уходила глубоко под гору просторная долина. По ту сторону необъятного провала долины тянулась на уровне глаз однообразная, хмурая гряда голубых гор.

— Вот они, горы Сикоку, — сказала тетя Фуса. — Понимаю, почему наши предки после долгих блужданий по тропам между этих хребтов наконец нашли убежище от гонителей именно здесь, в чаще леса. А все же удивительно, как это они вопреки всем невзгодам по-прежнему мечтали основать новое селение. Грустно все это, — вздохнула она, обводя взглядом раскинувшийся перед нами ландшафт.

Иери помог бабушке выйти из машины.

— И я о том же думала, глядя отсюда, с высоты, — подхватила бабушка, — когда мы приехали на телеге покупать каштаны для склада. Но с тех пор уже много лет прошло, и теперь при виде этой деревни в долине я понимаю, что и для большой общины места здесь достаточно — прокормиться нетрудно. Да вот хоть на эти склоны посмотрите. Тут земли столько, что все уголки и закоулки за целую жизнь не обойдешь. Простор необъятный! Вот потому-то легенда о чудесах нашего леса и прожила так долго в сердцах здешних людей. Но, кроме тебя, Иери-сан, никто не положил эту легенду на музыку... Я слушала кассету, что ты мне прислал, прямо здесь, на этом отроге. Твоя музыка и впрямь наводит на мысли о лесных чудесах. А кстати, Иери-сан, о чем твое последнее сочинение?

— Называется «Подкидыш», — процедил Иери и многозначительно умолк.

Не я один вздрогнул от этих слов. Бабушка и тетя Фуса испуганно замерли, словно окаменели, не решаясь даже повернуть головы. Удивительно, подумал я, между ними столько лет разницы — все-таки мать и дочь, — а реагируют совершенно одинаково. Я вспомнил о матери, оставшейся там, в далекой Калифорнии, и внезапно сердце зашлось от любви. Я едва не закричал в голос: «Помоги и мне, мама! Не оставь и меня “в беде”!» А Иери, всколыхнувший во мне эту боль, уже беззаботно шагнул за

обочину, туда, где уступом ниже алела делянка хурмы, коротко подстриженной для сбора урожая. Склонившись над красным в желтых крапинках листом, он стоял и вдыхал запах дождя в сверкающих каплях...

— Не подходи так близко, Иери! — воскликнул я. — А не то решат, что ты пришел воровать хурму!

Слова сами сорвались с губ, но совсем не они накопились в тайниках сердца.

— Никто ничего такого не подумает, — возразила бабушка, пряча улыбку. — Будь это лет десять-пятнадцать назад, фермеры обнесли бы поля заборами. Но теперь все переменялось. Перед каждым фермерским домом — целые горы спелой хурмы, ты заметил? И это только та, которую выбраковали как переспелую, негодную для перевозки. Хурмы тут — ешь не хочу, на нее уже и ребенок не позарится... Да, Ма-чан, дети... Поглядишь на детей — сразу видно, как быстро меняется жизнь. Когда я была маленькая, мы носили соломенные сандалии; у каждого было всего одно кимоно без подкладки и один-единственный отрез красной ткани для оби. Мы собирали хворост, разводили костры прямо на земле и пекли бататы. А бывало, заходили в реку, раздевшись по пояс, и ловили рыбу бамбуковыми корзинками. Ты же видел книжки с картинками, помнишь?.. «Детские традиции в старину», «Детские праздники»... Все точь-в-точь так и было, как там нарисовано.

— Вы живете, как в старину, бабушка, — вмешалась тетя Фуса. — А мы уже и старину, и современность обогнали. Иери и другие уже шагнули в будущее.

— Будь по-вашему, — уступила бабушка. — Но что мешает старине побеседовать с будущим запросто, без затей? Иери-сан, не расскажешь мне о своем последнем сочинении?

— С удовольствием. — Иери вмиг оживился и, распрямившись, зашагал обратно к нам.

— Ну а мы с тобой, дети современности, пройдемся и тоже кое о чем поболтаем, — обратилась ко мне тетя Фуса. — Современности с будущим нетрудно найти общий язык.

Как я и подозревал, тетя Фуса хотела с глазу на глаз расспросить меня — как современница современника — о «Подкидыше». Рассуждала она в свойственной ей практичной манере. Она без обиняков заявила: если Иери чувствует себя одиноким из-за того, что мои родители застряли в этом американском университете, я должен позвонить им и попросить вернуться немедленно. Кей-чан пишет по-японски, так чего ради ему торчать в Америке, обременяя эту страну в трудные времена, когда курс доллара упал так низко? Он утверждает, что ему необходимо общаться с коллегами, но много ли ему толку от общения на английском, когда он его от французского едва отличает? Кей-чан, сказала тетя Фуса, сам ей в этом честно сознался в последнем телефонном разговоре.

Я так и не смог объяснить ей, что отец «в беде». Я сказал лишь, что Иери вовсе не чувствует себя брошенным ребенком: пока он работал над «Подкидышем», ничего такого я за ним не замечал. Он переживал только насчет струнных в финале, да и вообще его волновала не столько тема, сколько техническая сторона дела.

Тетя Фуса припарковалась на одной из природных смотровых площадок волнообразного гребня: стоило пройти еще немного, и вся долина, все днище глиняной ступы раскинулось под нами как на ладони. Выше по течению река начинала петлять, совсем как дорога, по которой мы приехали, и ослепительно сверкала на солнце всеми своими излучинами. Поодаль высился отростком леса сплошь покрытый кипарисами холм, а над кипарисами вздымались вековые кедры, неудержимо рвущиеся в небо. Среди этих деревьев совсем не к месту торчала бетонная коробка с высокой трубой. Время от времени труба выталкивала клубы белого дыма. Тетя Фуса сурово уставилась на трубу и как будто погрузилась в раздумья.

А я все разглядывал небо — голубое и ясное, словно и не было никакого дождя, пролившегося на нас совсем недавно. Задержавшись взглядом на солнце, я чихнул, и весьма кстати, ибо это наконец вывело тетю Фусу из задумчивости, о чем бы она там ни размышляла — о «Подкидыше» Иери, о смерти дяди или, что всего вероятнее, о том и другом одновременно.

— А, так ты тоже чихаешь от солнца, Ма-чан! — воскликнула она, вскинув голову и обернувшись ко мне. — Когда Кей-чан учился в школе, он прочел об этом статью в каком-то журнале. И решил поставить эксперимент — проверить, в самом ли деле люди от солнца чихают. Выбор подопытных кроликов был небогатый, так что он меня заставлял каждое утро смотреть на солнце, как я ни отбивалась. Кей-чан тогда был помешан на научных опытах, совсем как О-чан.

Прищурившись, тетя Фуса поглядела на солнце, уже клонившееся к западу, и вдруг чихнула — очень мило и забавно. Мы посмеялись, и тут я решился кое о чем спросить ее.

— По-моему, тогда отец был еще младше... — начал я. — Я слышал, он как-то понес зерно на мельницу и, пока дожидался муки, прочел о святом Франциске Ассизском. И на полном серьезе забеспокоился, не следует ли ему *задуматься о душе*.

- Да, это чистая правда, — подтвердила тетя Фуса. — Видишь, во-он там река разделяется на два рукава, один светлый, а другой — в тени? А мельница — чуть дальше, у того рукава, что поуже, темного. Кей-чан вернулся, обеими руками прижимая мешок с мукой к груди, и лицо у него было все белое. Он так боялся, что святой Франциск выскочит из-за дерева и убедит его задуматься о душе, что даже расплакался, и глаза у него стали как у енотовой собаки...

— А отец говорил, вы сказали ему, что он похож на белую обезьяну...

— Он малость приукрасил, ну да это его личное дело. Тощая, костлявая енотовая собака — вот на кого он был похож... Но, по-моему, он с тех пор так и жил в ужасе от мысли о том, что наступит день, когда ему придется бросить все и *задуматься о душе*. По крайней мере, так оно было, пока он жил с нами до окончания колледжа. Помню, как он расстраивался, когда друзья приглашали его на занятия по английской Библии...

И старший брат тоже очень переживал из-за этого. Он боялся, что Кей-чан вступит в Токио в какую-нибудь религиозную организацию, хотя насчет политических партий совершенно не беспокоился. Однажды он даже сказал: если это случится, Кей-чан сам поставит крест на своем будущем — в социальном смысле. Правда, если вдуматься, и старший брат, и Кей-чан были несчастными людьми, только и знавшими, что спастись от мыслей *о душе*. А впрочем, один из них уже превратился в белый дым, так и не *задумавшись о душе* всерьез...

А «Чудеса леса», о которых бабушка говорила, когда вспомнила ту композицию Иери, — это ведь та самая сказка, что бабушкина мама когда-то рассказывала Кей-чану. Точнее, Кей-чан сам ее заставил рассказать, чуть не силком. Он тогда был весь в науке и как только не пытался эту легенду толковать! Договорился до того, что «Чудеса леса» доставили на Землю на ракете то ли с другой планеты, то ли из другой вселенной. И вся наша цивилизация якобы из этой легенды и родилась. А я, простая душа, воображала, как где-то на другой планете построили ракету, назвали ее «Чудеса леса», набили детишками и отправили к нам на Землю. И бросили их тут одних-одинешенек. Вот так я это себе и представляла, и мне тоже было одиноко и грустно...

А если вдуматься, мы с Иери мыслим схожими образами, да? И всему виной, наверное, Кей — чан. Мне до сих пор становится грустно, как подумаю об этой ракете «Чудеса леса», — наверное, потому, что Кей-чан заявлял: дескать, все мы — дети, брошенные меж звезд. Сдается мне, он и Иери много чего наговорил в том же духе. Натворил невесть что, а потом взял да и укатил с Ою-сан в Калифорнию! Кое-кто, может, и удивится, но такой он и есть на самом деле, наш Кей-чан.

Бабушка с Иери стояли, прислонясь к каменной стенке, отгораживавшей от обочины делянку хурмы на верхнем уступе. При виде нас бабушка подалась вперед, подняла правую руку и замахала нам тростью. Мне-то казалось, они просто молча любят лесом, игрой света и тени на красно-рыжей листве хурмы. Но теперь я понял, что все это время бабушка о чем-то терпеливо и упорно беседовала с Иери. Мы бросились к ним вприпрыжку, а она, не дожидаясь, пока мы подбежим, прокричала:

— Полное название — «Спасти подкидыша»! Иери и его друзья из благотворительного общества по вторникам наводят порядок в парке. Он рассказал мне, что однажды кто-то из них нашел и спас брошенного ребенка. И тогда Иери-сан

дал себе слово, что если в свое дежурство тоже найдет подкидыша, то непременно спасет его. Вот о чем он думал, сочиняя музыку, и вот почему назвал ее «Спасти подкидыша».

— Так вот, значит, в чем дело, Иери! — воскликнул я. — Да-да, припоминаю этот случай с подкидышем в парке. Странно, что я не вспомнил сразу, как только услышал название... но ведь это было так давно! Вот, значит, в чем было дело, Иери! Ну, тогда это правильно, что музыка такая грустная. Он же как-никак *подкидыш*, — добавил я, погружаясь в нахлынувшую волну тихого счастья.

— Так вот, значит, в чем дело, повторила тетя Фуса. Она тоже все поняла — так же, как и я, но по-своему, и подытожила все на свой лад. — Если, — промолвила она, — все мы дети, покинутые на Земле, то Иери в своей музыке и впрямь выразил нечто грандиозное!

notes

Примечания

26

«Мишлен» — французская компания по производству резинотехнической продукции. Торговая марка фирмы — толстый человечек, составленный из автопокрышек.